

**Русский архив. Историко-литературный
сборник. 1879**

Выпуски 9-12

Р89 Русский архив. Историко-литературный сборник. 1879: Выпуски 9-12 / – М.: Книга по Требованию, 2022. – 556 с.

ISBN 978-5-458-37060-8

«Русский архив» — ежемесячный историко-литературный журнал, издававшийся в Москве с 1863 по 1917 год. Создателем и продолжительные годы редактором журнала был П. И. Бартенева – историк, археограф, библиограф. Этот журнал называли «живой картиной былого», поскольку он содержал преимущественно публикации неизданных мемуарных, эпистолярных, литературно-художественных и ведомственных документальных материалов, освещавших культурную и политическую историю России в XVIII и XIX вв. По числу опубликованных источников «Русский архив» стоит на первом месте среди русских исторических журналов. В течение полувека П. И. Бартенева издавал журнал, сумел много написать, опубликовать, открыть множество неизвестных источников. Служба П. И. Бартенева в Архиве министерства иностранных дел, поездки за границу, работа в Чертковской библиотеке позволили редактору познакомиться с разнообразными материалами по истории России. Интересен факт, что именно П. И. Бартенева подбирал исторический материал для романа "Война и мир". Когда известный граф М. С. Воронцов пригласил П. И. Бартенева издать семейный архив Воронцовых, историк познакомился с его женой, Елизаветой Ксаверьевной, услышал от нее много интересных рассказов о Пушкине. Впоследствии в разных журналах, в том числе и в «Русском архиве» были опубликованы статьи П. И. Бартенева, посвященные Пушкину, которые легли в основу будущих исследований пушкинистов, биографов, краеведов, изучавших его творчество. На страницах журнала были опубликованы произведения русских писателей и поэтов: В. А. Жуковского М. Ю. Лермонтова, Н. М. Карамзина, Н. В. Гоголя. Среди редких исторических документов в «Русском архиве» были опубликованы материалы об Отечественной войне 1812 года (1890), записки и письма декабристов (во многих книжках «Русского архива» различных годов).

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

РУССКІЙ ЯРМЪЛЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

Петромъ Бартечевымъ.

ГОДЪ СЕМНАДЦАТЫЙ

1879.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

МОСКВА.

Типографія Лебедева, въ Газетномъ переулкѣ, домъ Корзинкина
1879.

Галицкое наслѣдство *)

Миръ и внутренняя тишина, наставшія въ Червонной Руси при Ярославѣ Осмомыслѣ, были нарушены только его семейными раздорами. При этомъ впервые обнаружилась та сила и то значеніе, которыя успѣло пріобрѣсти Галицкое боярство по отношенію къ своему князю и къ землѣ. Ранняя обособленность Галицкаго княженія отъ остальной Руси, а также единовластіе и преемство стола отъ отца къ сыну, утвердившіяся здѣсь прежде другихъ Русскихъ областей, много способствовали усиленію Галицкаго боярства: вмѣстѣ съ княжимъ родомъ и бояре его пріобрѣли прочную осѣдлость и сдѣлались богатыми землевладѣльцами. Въ каждой другой области глава княгаго рода держалъ землю посредствомъ своихъ многочисленныхъ родственниковъ, которымъ раздавалъ города и волости въ кормленіе (что означало вмѣстѣ управленіе, судъ и сборъ доходовъ). Въ Галицкой, землѣ, со временъ Владимирка, при изгнаніи или устраниеніи его братьевъ и племянниковъ, княжій родъ сосредоточился въ одномъ лицѣ, и вмѣсто младшихъ родичей князь долженъ былъ всю свою землю держать посредствомъ бояръ, такъ что они исключительно являются и воеводами его рати, и намѣстниками его городовъ. Притомъ самое водвореніе единовластія совершилось и подерживалось съ помощью старшей дружины или бояръ, и князь необходимо долженъ былъ ласкать дружину, награждать ее, вообще дорожить ея расположеніемъ. Такимъ образомъ боярство Галицкое получило всѣ способы образовать изъ себя не только военную, но и земскую аристократію и выдѣлить нѣкоторые роды, наиболѣе богатые и вліятельные. Ихъ сословнымъ притязаніямъ не мало способствовали примѣры западныхъ сосѣдей, т. е. Польши и Венгріи, гдѣ аристократическое сословіе пользовалось особымъ значеніемъ, владѣло большою поземельною собственностію и ограничивало королевскую власть.

Ярославъ дурно жилъ съ своею законною супругою Ольгою, дочерью Юрія Долгорукаго, и любилъ другую женщину, именно Анастасію, принадлежавшую къ роду какого-то Чагра. Родственники ея получили при княземъ дворѣ большую силу, чѣмъ возбудили

---

*) Изъ второй части „Исторіи Россіи“.

неудовольствіе въ другихъ знатныхъ боярахъ. Къ тому же Осмомысль незаконному сыну отъ Анастасіи, Олегу, оказывалъ явное предпочтеніе передъ Владимиромъ, законнымъ сыномъ отъ Ольги Юрьевны. Семейный раздоръ дошелъ до того, что въ 1172 году Ольга съ своимъ сыномъ убѣжала въ Польшу. За нею послѣдовали и нѣкоторые недовольные бояре, съ воеводою Коснятиномъ Сърославичемъ во главѣ. Въ Польшѣ они пробыли около осьми мѣсяцевъ и отсюда завели сношенія съ партіей Галицкихъ единомышленниковъ. Желая быть къ нимъ поближе, Владимиръ выпросилъ себѣ у одного изъ Волынскихъ князей городъ Червень. Между тѣмъ недовольнымъ боярамъ удалось произвести переворотъ въ Галичѣ. Они возмутили жителей, избили Чагрову родню, схватили Анастасью и живую сожгли на кострѣ; сына ея заточили, а князя заставили присягнуть на томъ, что онъ будетъ хорошо жить съ своей законной женой. Хотя и совершенная подъ знаменемъ семейной законности, эта варварская самовольная расправа послужила пагубнымъ примѣромъ для дальнѣйшихъ отношеній боярства къ княжеской власти.

Ольга и Владимиръ воротились въ Галичъ, но домашнее согласіе не было восстановлено. Уже въ слѣдующемъ году княгиня и сынъ ея принуждены были снова бѣжать изъ Галича. Послѣ нѣкоторыхъ скитаній она удалась въ родной Владимиръ на Клязьмѣ, гдѣ нашла пріютъ у брата своего великаго князя Всеволода III-го и, лѣтъ шесть спустя, скончалась тамъ, постригшись въ монахини подъ именемъ Евросиніи. Между тѣмъ Владимиръ искалъ убѣжища у разныхъ князей: у Романа Волынскаго, у князя Туровскаго, у Давида Смоленскаго, у дяди своего Всеволода III. Не желая ссориться съ сильнымъ Галицкимъ владѣтелемъ, князья отсылали отъ себя изгнанника. Только знаменитый Игорь Сѣверскій*), женатый на родной сестрѣ Владимира, пріютилъ его въ Путивлѣ. Затѣмъ Владимиръ снова помирился съ отцомъ и воротился въ Галичъ, но полнаго примиренія не было. Выросшій посреди семейныхъ раздоровъ и скитаній, Владимиръ обнаруживалъ порочныя склонности и непокорство, а потому не сумѣлъ пріобрѣсти отцовское расположеніе. Ярослав Осмомысль продолжалъ отдавать предпочтеніе Олегу, котораго освободилъ изъ заточенія и держалъ при себѣ. Очевидно, ему удалось на время смирить партію недовольныхъ бояръ и восстановить свою власть. Когда же онъ тяжело заболѣлъ и почувствовалъ приближеніе кончины, тогда, по словамъ лѣтописи, этотъ мудрый, вѣдѣрчивый, богобоязненный и нищелюбивый князь созвалъ дружину, гражданъ, духовенство, и сказалъ имъ: «Отцы, и братья, и сыновья! Вотъ я уже отхожу свѣта сего суетнаго, а согрѣшилъ паче всѣхъ людей. Отцы

* Герой „Слова о Полку Игоревѣ“. II. В.

и братья! Простите и отдайте». Три дня продолжалось собраніе; въ эти дни слуги княжіе раздавали его имѣніе монастырямъ и нищимъ, и будто бы не могли раздать: такъ велики были богатства, накопленные княземъ. Впрочемъ настоящею цѣлью созваннаго Ярославомъ земскаго вѣча, какъ оказывается, было не умиленное раскаяніе въ своихъ грѣхахъ, а задуманная перемѣна престолонаслѣдія. Онъ объявилъ, что главный столъ, т. е. отнїй Галичъ, оставляетъ меньшему сыну Олегу, а старшему Владимиру приказываетъ дѣднїй Перемышль. Отсюда ясно, какъ еще слабо развиты были въ тѣ времена понятія о государствѣ: Ярославъ не дорожитъ единствомъ своей земли, въ жертву которому онъ и отецъ его принесли всѣхъ братьевъ и племянниковъ; чтобы доставить престолъ незаконному, но любимому сыну, онъ возобновляетъ удѣльный порядокъ въ Галиціи. Соборъ или земское вѣче не посмѣлъ послушаться еще живаго князя и присягнуть на основаніи его завѣщанія; присягнуть на томъ же и самъ Владимиръ. Но присяга эта не послужила ни къ чему.

1 Октября 1187 года Ярославъ скончался, и на другой день погребли его въ соборной церкви Богородицы. Тотчасъ поднялась сильная боярская партія противъ сына Анастасіи, изгнала Олега и посадила на Галицкій столъ Владимира. Такимъ образомъ, при всемъ умѣ и правительственномъ искусствѣ, Ярославъ Осмомыслъ своими семейными отношеніями самъ положилъ начало послѣдующимъ Галицкимъ неурядицамъ.

Владимиръ Ярославичъ имѣлъ совсѣмъ не такія свойства, чтобы поддержать миръ и тишину въ Галицкой землѣ. Онъ былъ предавъ пьянству, разврату и обнаруживалъ большую склонность къ самовластію. Еще при жизни отца онъ далеко превзошелъ его семейною распущенностію: взялъ жену у одного попа и прижилъ съ нею двухъ сыновей. Теперь, не довольствуясь такимъ соблазномъ, если нравилась ему чья жена или дочь, онъ бралъ ее насильно. Съ боярами своими не любилъ онъ совѣтоваться о дѣлахъ. Естественно, бояре начали проявлять сильное неудовольствіе. Этимъ обстоятельствомъ спѣшилъ воспользоваться предприимчивый, честолюбивый сосѣдъ, т. е. Романъ Волынскій. Видя неуройства, начавшіяся въ Червонной Руси, онъ возымѣлъ намѣреніе овладѣть богатою землею. Подговоренные Романомъ, нѣкоторые Галицкіе бояре уже въ слѣдующемъ 1188 году произвели въ столицѣ вооруженное возстаніе. Не смѣя напасть на князя, у котораго было много пріятелей, мятежники послали сказать ему, что они возстали собственно противъ попады, которой не хотятъ кланяться, и требовали ея выдачи. Они хорошо знали, что князь скорѣе убѣжитъ, чѣмъ согласится на это требованіе. Такъ и случилось. Владимиръ, вспомнивъ участь Анастасіи, испугался за свою любезную: захвативъ съ собою сколько было возможно золота и серебра, онъ съ попадѣй,

двумя ея сыновьями и вѣрною частью дружины бѣжалъ къ Угорскому королю Белѣ III. Мятежники послали за Романомъ Волынскимъ, и тотъ поспѣшилъ прибыть въ Галичъ. Однако онъ оставался здѣсь очень не долго. Король Угорскій не только пріютилъ Владимира, но и присягнулъ воротить ему Галичъ, и дѣйствительно выступилъ въ походъ съ многочисленнымъ войскомъ. Когда Романъ услышалъ о приближеніи Угровъ, онъ и жена его поспѣшили удалиться, забравъ съ собою то, что оставалось отъ князей казны, а также бывшихъ на ихъ сторонѣ Галицкихъ бояръ и боярынь. Но оказалось, что Угорскій король хлопоталъ совсѣмъ не для Владимира: онъ также хотѣлъ воспользоваться неустройствами богатаго сосѣдняго края, чтобы завладѣть имъ. Нарушивъ присягу, Бела посадилъ здѣсь своего сына Андрея, а Владимира схватилъ, отнял у него всю казну и плѣнникомъ отослалъ обратно въ Венгрію, гдѣ его вмѣстѣ съ попадѣей заключили въ башню. Такъ начались продолжительное вмѣшательство Угровъ въ Галицію дѣла и ихъ притязанія на господство въ этой коренной Русской землѣ.

Галичане однако не думали помириться съ иноземнымъ владычествомъ. Они вспомнили, что на Руси есть еще отрасль ихъ княжескаго рода, именно Ростиславъ, сынъ несчастнаго Ивана Берладника. Онъ въ то время проживалъ у Давыда Ростиславича въ Смоленскѣ. По призыву нѣкоторыхъ бояръ Ростиславъ съ небольшою дружиною поспѣшилъ въ Галицію, взялъ два пограничные города и пошелъ на Галичъ. Но тутъ обстоятельства оказались для него неблагоприятны: Бела не задолго прислалъ Андрею сильное подкрѣпленіе; сыновья и братья многихъ мужей Галицкихъ находились заложниками у короля, и мужи эти боялись открыто выступить за Ростислава. Андрей потребовалъ отъ Галичанъ новой присяги на вѣрность, и никто не посмѣлъ ослушаться. Ростиславъ явился подъ столицю, полагаясь на обѣщаніе бояръ, которые ему клялись, что при первой встрѣчѣ съ Уграми Галичане перейдутъ на его сторону. Окружавшіе князя чуяли измѣну и совѣтовали ему уйти назадъ. «Братья, отвѣчалъ князь, вы знаете, на чемъ они цѣловали мнѣ крестъ; если ищутъ моей головы, то Богъ имъ судья; а я не хочу болѣе скитаться по чужимъ землямъ: лучше голову положу въ своей отчинѣ». Онъ храбро ударилъ на Угро-Галицкую рать, но былъ окруженъ, сбить съ коня, и тяжело раненный взятъ въ плѣнъ. Когда его принесли въ городъ, Галичане устыдились своей измѣны и хотѣли добыть его изъ рукъ Угровъ; но тѣ поспѣшили приложить къ ранамъ какое-то зелье, отъ чего онъ и умеръ. Надменные легкимъ успѣхомъ, Угры (христиане по имени, но все еще полудикій народъ) предались разнымъ неистовствамъ: отнимали у гражданъ женъ и дочерей, ставили своихъ коней въ православныхъ храмахъ, производили грабежи. Тогда угнетенные Галичане вступились по своему прирожденномъ князѣ Владимірѣ и стали расказываться въ его изгнаніи.

Случилось такъ, что въ это именно время Владимиръ спасся изъ своего заключенія. На каменной башнѣ, въ которой онъ содержался, былъ поставленъ для него полотняный шатеръ. Князь изрѣзалъ его, свилъ изъ полотна веревки и по нимъ спустился на землю. Двое подкупленныхъ сторожей помогли его бѣгству и проводили въ Нѣмецкую землю, гдѣ онъ явился къ императору Фридриху Барбаруссѣ. Сей послѣдній находился въ дружескихъ сношеніяхъ съ Всеволодомъ III Большое Гнѣздо и, узнавъ, что Владимиръ былъ племянникомъ Суздальскому князю, принялъ его съ почетомъ и даже помогъ ему воротить княженіе. Впрочемъ, какъ истый Нѣмецъ, онъ сдѣлалъ этъ не даромъ, а обязалъ Владимира платить императору по 2000 гривенъ серебра въ годъ, слѣдовательно признать себя какъ бы вассаломъ Германской имперіи. Но такое обязательство повидимому не было исполнено за скорою кончиною Барбаруссы. Занятый приготовленіями къ Крестовому походу, императоръ далъ Владимиру нѣсколько рыцарей и отправилъ его къ Казимиру Краковскому, которому поручилъ изгнать Угровъ изъ Галича. Надобно замѣтить, что раздробленіе Польши и междоусобія сыновей Болеслава Кривоустаго подали Фридриху поводъ вмѣшаться въ дѣла Польскихъ князей и привести ихъ въ ленную отъ себя зависимость. Казимиръ далъ Владимиру войско съ лучшимъ своимъ воеводою Николаемъ.

Едва князь вступилъ въ родную землю, какъ Галичане возстали противъ Угровъ, прогнали королевича Андрея и съ радостію встрѣтили своего законнаго государя. Это происходило въ 1190 году. Чтобы обезопасить себя отъ сосѣдей, Владимиръ прибѣгъ подъ покровительство дяди своего Всеволода Суздальскаго; а тотъ отправилъ посольства къ Уграмъ, Ляхамъ и южнорусскимъ князьямъ и взялъ съ нихъ обѣщаніе не искать Галича подъ его племянникомъ. Претерпѣнныя въ изгнаніи страданія, повидимому, исправили нѣсколько князя, такъ что остальное время его правленія протекло въ мирѣ, и Галицкая земля немного отдохнула отъ прошлыхъ тревогъ, но только для того, чтобы вслѣдъ затѣмъ испытать еще горшія смуты. Поводомъ къ нимъ послужилъ все тотъ же вопросъ о престолонаслѣдіи. Владимирко и Ярославъ Осмомыслъ слишкомъ усердно позаботились объ истребленіи своихъ родственниковъ (хотя бы съ благою цѣлью доставить единство и спокойствіе Червонной Руси). Когда около 1200 года Владимиръ скончался, родъ Галицкихъ Ростиславичей пресѣкся (за исключеніемъ двухъ незаконныхъ сыновей отъ падья), открылось широкое поле для разныхъ соискателей, а вмѣстѣ съ тѣмъ для всякихъ смутъ и мятежей.

Романъ Волинскій давно ожидалъ этой кончины, хорошо зная положеніе дѣлъ въ Галичѣ. Едва онъ получилъ извѣстіе о смерти Владимира, какъ двинулъ свои полки. Но, чтобы вѣрнѣе обезпечить за собой Галицію со стороны Угровъ, онъ предварительно поѣхалъ

въ Польшу, гдѣ у него были родственныя и дружескія связи. По матери своей Романъ былъ внукомъ короля Болеслава Кривоустаго и въ юности живалъ при Краковскомъ дворѣ. Въ послѣдней четверти XII вѣка на старшемъ Польскомъ столѣ сидѣлъ младшій сынъ Кривоустаго, постоянный союзникъ Романа, Казимиръ Справедливый, родной братъ Романовой матери и его крестный отецъ; къ тому же и самъ Казимиръ женился на Волынской княжнѣ, Еленѣ Всеволодовнѣ, племянницѣ Романа. Этотъ князь по смерти Казимира (1194) защищалъ его малолѣтнаго сына Лешка Бѣлаго противъ дяди, Мечислава Стараго, но потерпѣлъ поражение, при чемъ былъ тяжело раненъ. Затѣмъ извѣстно, какъ Романъ разсорился съ своимъ тестемъ Рюрикомъ, великимъ княземъ Кіевскимъ, изъ-за Поросья. Отославъ свою супругу къ ея отцу, онъ вступилъ во второй бракъ съ Польскою княжною, племянницею Лешка Бѣлаго, и черезъ это еще болѣе породнился съ Пястовичами. Сюда-то, въ Краковъ, обратился онъ теперь за помощью для своего водворенія въ Галичѣ. И дѣйствительно, Польскіе полки, подъ начальствомъ того же воеводы Николая и самого юнаго Лешка, соединились съ полками Волынскими и явились подъ Галичемъ. Въ то время король Угорскій также шелъ къ Галичу; вѣроятно, часть боярѣ, зная характеръ Волынскаго князя, предпочитала Угровъ и призывала ихъ въ свою землю. Видя, что Романъ предупредилъ его, король воротился назадъ. Галичане отворили Роману ворота и посадили его на свой столъ.

Наступило непродолжительное, но достопамятное княженіе Романа въ Галичѣ. Со всею неукротимою энергіей своего пылкаго нрава, онъ обрушился на противную себѣ партію Галицкихъ боярѣ, уже привыкшихъ къ крамоламъ и самоволію, не уважавшихъ княжеской власти. Нѣкоторые изъ нихъ поплатились жизнью, другіе спаслись бѣгствомъ. «Не раздавивъ пчелъ, меду не ѣсть»—было любимую поговоркою князя. Современный ему Польскій лѣтописецъ (Кадлубекъ) рассказываетъ, будто онъ зарывалъ живыхъ людей въ землю или разсѣкалъ ихъ на части; но несомнѣнно, что онъ обнаруживалъ чрезвычайную свирѣпость противъ боярѣ, озлобленный ихъ попытками помѣшать его водворенію въ Галичѣ. Смиривъ внутреннихъ враговъ, Романъ тѣмъ съ бѣльшимъ успѣхомъ обратился къ внѣшнимъ предпріятіямъ, располагая теперь силами земель Волынской и Галицкой. Около того времени Дунайскіе Волгары, свергнушіе съ себя Византійское владычество, призвали на помощь Половцевъ, вмѣстѣ съ ними начали опустошать Фракію и забирать жителей въ неволю; кочевые набѣдники простерли свои набѣги до самаго Царяграда. На императорскомъ престолѣ сидѣлъ тогда робкій Алексѣй III, изъ фамиліи Ангеловъ. При посредствѣ митрополита Кіевскаго онъ просилъ помощи у Романа. Русскіе—«христіаннѣйшій народъ», по выраженію Византійскаго повѣствователя—вступились за Романа (Ви-

зантійцевъ). Зимой 1202 года Романъ пошелъ въ степь на Половецкія вежи, разгромилъ ихъ и освободилъ множество христіанскихъ плѣнниковъ, чѣмъ принудилъ Половецевъ покинуть Оракію и спѣшить для защиты собственныхъ жилищъ. Послѣ того, какъ извѣстно, онъ дважды изгонялъ изъ Кіева своего бывшего тестя Рюрика Ростиславича и распорядился великимъ Кіевскимъ столомъ. Мощество Романа достигло высшей степени, такъ что лѣтописецъ Волынскій величаетъ его самодержцемъ всей Русской земли.

Къ тому же времени, вѣроятно, относится посольство папы Иннокентія III. Римская курія не пропускала ни одного удобнаго случая, чтобы осуществить свою завѣтную мысль о подчиненіи Русской церкви. Въ этомъ отношеніи она находила всегда дѣятельную помощь со стороны Польскаго католическаго духовенства. Но сіе послѣднее въ то время имѣло много хлопотъ и въ собственной землѣ, именно въ областяхъ Краковской, Судомирской и Люблинской, гдѣ не только жило Русское православное населеніе, но и между самими Поляками сохранялись значительные остатки Грекославянскаго обряда. Подобные же остатки сохранялись еще и въ сосѣдней Чехо-Моравской землѣ. Любопытно, что около половины XII вѣка, для окончательнаго искорененія этого обряда у Западныхъ Славянъ, а преимущественно для борьбы съ Русскою церковью, епископъ Краковскій Матвѣй призывалъ самаго знаменитаго католическаго проповѣдника своего времени, аббата Клервоскаго Бернарда. «Россія это какъ бы особый міръ», писалъ Матвѣй. «Русскій народъ, безчисленный какъ звѣзды небесныя», будто бы «только именемъ исповѣдуетъ Христа, а дѣлами отвергаетъ Его»; только одинъ Клервосскій аббатъ можетъ своею проповѣдью, какъ «обоюдоострымъ мечемъ», сокрушить заблужденіе этого народа и привлечь его въ католичество, ибо «въ католической церкви вѣтъ истиннаго святаго таинства». Неизвѣстно, что помѣшало краснорѣчивому аббату исполнить просьбу и отправиться къ Славянскимъ народамъ. Тѣмъ не менѣе, попытки папства противъ Руси продолжались и особенно усилились въ началѣ XIII вѣка, когда съ одной стороны Нѣмецкіе крестоносцы начали успѣшное покореніе Балтійскаго края, а съ другой Французскіе крестоносцы завоевали самую Византію, средоточіе Православія, и водворили тамъ Латинскую имперію въ 1204 г. Сидѣвшій въ то время на папскомъ престолѣ, столь знаменитый Иннокентій III отправилъ посольство къ Роману Галицкому съ предложеніемъ королевскаго вѣнца, если тотъ приметъ Латинскую вѣру, и съ обѣщаніемъ помочь ему мечемъ апостола Петра пріобрѣсти новыя земли. Въ отвѣтъ на это Романъ, какъ рассказываютъ, обнажилъ свой мечъ и гордо спросилъ: «Таковъ ли у папы? Доколѣ онъ при бедрѣ моемъ, не имѣю нужды покупать себѣ города иначе какъ

кровью, по примѣру нашихъ отцовъ и дѣдовъ, умножившихъ землю Русскую». Можетъ быть, раздраженное тѣмъ Латинское духовенство не мало способствовало послѣдующей скорѣй гибели Романа, возбудивъ сильную вражду между нимъ и Поляками.

По смерти Мечислава Старого сынъ его Владиславъ Тонконогій оспаривалъ старшій Польскій столъ, т. е. Краковъ, у своего двоюроднаго брата Лешка Бѣлаго. Романъ вмѣшался въ эту распрю, принявъ сторону Лешка. Кажется, онъ имѣлъ намѣреніе воспользоваться Польскими неустройствами, чтобы присоединить къ своимъ владѣніямъ Люблинскую область или Русь Надвислянскую. Но когда онъ выступилъ съ большимъ войскомъ на помощь Лешку и началъ опустошать пограничную Польскую землю, двоюродные братья примирились и послали ему сказать, чтобъ онъ удалился во свояси. Романъ потребовалъ денежнаго вознагражденія за свой походъ или уступки Люблинской волости. Польскіе князья вступили съ нимъ въ мирные переговоры, а между тѣмъ собрали большія силы. Романъ стоялъ таборомъ на лѣвомъ берегу Вислы подъ Завихостомъ, и, обманутый этими переговорами, не соблюдалъ должной воинской осторожности. Однажды съ небольшою дружиною онъ отъѣхалъ отъ своего табора для охоты, и тутъ неожиданно напалъ на него сильный неприятельскій отрядъ. Князь не смутился и началъ мужественно обороняться. Услыхавъ о нападеніи на князя, войско поспѣшило къ нему на помощь; но кто-то изъ враговъ уже успѣлъ копьемъ нанести ему смертельную рану. Галичане могли только выручить трупъ Романа, который отвезли въ Галичъ и похоронили въ соборномъ храмѣ Богородицы (1205). Гибель такого опаснаго сосѣда какъ Романъ произвела большую радость между Ляхами. Лешко съ младшимъ братомъ своимъ Конрадомъ воздвигли въ Краковскомъ соборѣ особый алтарь св. мученикамъ Гервасію и Протасію: въ день ихъ памяти былъ убитъ Романъ. Объ этомъ днѣ сложились потомъ у Поляковъ цѣлыя легенды, которыя небольшую стычку превратили въ большое сраженіе. Историкъ Польскій (Длугошъ) между прочимъ рассказываетъ, будто въ ночь передъ битвою Романъ видѣлъ страшный сонъ: со стороны Судомира прилетала стая щеглятъ и пожрала большую стаю воробьевъ; будто молодые бояре князя толковали сонъ въ хорошую для него сторону, а старые наоборотъ.

Такъ погибъ этотъ знаменитый князь, можетъ быть слишкомъ увлеченный своею неукротимою энергіей, пылкимъ нравомъ и властолюбіемъ. Самая наружность его и свойства были замѣчательны: средняго роста, широкоплечій, черноволосый, съ красноватымъ цвѣтомъ лица, черными глазами и крупнымъ горбатымъ носомъ, онъ отличался большою физическою силою и личною храбростію; былъ косноязыченъ и въ припадкахъ гнѣва долго не могъ выговорить слова; любилъ веселиться съ дружиною, но пилъ умѣренно; любилъ женщинъ, но ни одной не подчинялся.